

— Вотъ какой онъ у насъ — нашъ крестный!

— Вашъ крестный? — переспросилъ Рынинъ и присѣлъ къ столу.

— Онъ у насъ двухъ крестилъ въ хорѣ, мы его крестнымъ всѣ зовемъ.

Рынинъ давно не бывалъ съ цыганками. Тонъ Пелагеи Павловны — очень приличный и немного даже манерный — не удивлялъ его. Сидѣла она передъ нимъ въ позѣ свѣтской дамы, улыбалась сдержанно; низкій тембръ ея голоса чрезвычайно шелъ къ ея степенной, нѣсколько увядшей красотѣ.

— Вы пріѣзжай? — спросила его Палаша послѣ маленькой паузы.

Ему не захотѣлось сразу говорить ей, что „крестный“ — его тесть; все равно, пускай уже самъ Ногайцевъ его отрекомендуетъ.

Въ комнатѣ Палши продолжались возня, взвизгиванія и раскаты хриплаго голоса Ногайцева.

— Полковникъ!

Изъ двери высунулось красное лицо Мартына Лукича.

— Пожалуйте! Душканъ пеньюаръ надѣлъ... И такіе у насъ контуры и божественное растрепе!..

— Какъ же можно? — хотѣла-было его остановить старшая сестра.

— Не вмѣшиваться! Что за мать казначея!.. Надъ бѣлицами надзирать... Mon gendre!.. Entrez!

Надо было войти. За Рынинымъ встала и старшая сестра.

Онъ былъ удивленъ контрастомъ столовой и особенно лѣстницы, гадарейки и двора съ спальней Прасковьи Павловны. Вся комната была обита темно-голубымъ атласомъ; кровать съ балдахинномъ; на ней подушки и одѣяло не были еще прибраны, — обѣ сестры обѣдали какъ встанутъ, — мебель съ позолотой, два зеркала, мраморный умывальникъ, шифоньерка съ инкрустаціями. Пахло духами, пудрой и неприбранной комнатой.

— Что вы, что вы?.. — стыдила Прасковья Павловна Ногайцева и указывала рукой на Рынина.

Ногайцевъ держалъ ее за талью и указывалъ свободной рукой на ея личико входившему зятю.

— Каковъ душканъ! а? Видали лучше? А? Etudiez cela, mon cher! Янтарный персикъ. Брови, волосы, ротъ...

— Да полно вамъ! — продолжала отбиваться Паша.

Рынинъ невольно засмотрѣлся на нее: онъ давно не видалъ такой прелестной наружности. Паша была немножко меньше ростомъ старшей сестры, стройна, съ волнистой линіей спины.